

НИНА ФЕОКТИСТОВА

МЕДПУНКТ

Бывшие
и тебя вылечим...



Нина Феоктистова

Бывшие. И тебя вылечим

<https://litres.ru/74393788>

SelfPub; 2026

Аннотация

Зоя приезжает в деревню к бабушке, залечивать душевные раны после измены мужа с ее лучшей подругой. Неожиданно она встречает Степана, ее первую любовь, который тоже гостит у своей бабули. Две старушки -хохотушки активно сводят своих внуков вместе , ведь они то лучше знают, что Зоя и Степан просто созданы друг для друга!

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Бывшие. И тебя вылечим

Глава

Глава 1. Зоя.

Я всегда думала, что самое страшное в жизни медика — это смерть пациента. Оказывается, нет. Самое страшное — это вернуться домой после ночной смены пораньше и обнаружить своего мужа в постели со своей лучшей подругой.

Ключи звенели в моих руках, когда я открывала дверь. Господи, как же я мечтала о душе и чашечке горячего кофе. Двенадцать часов на ногах, две операции, одни экстренные роды и бесконечная беготня между палатами — я буквально падала от усталости. В прихожей пахло чужими духами. Дорогими. Я даже удивилась — Серёжка никогда не дарил мне ничего такого.

Потом я услышала женский смех. Из нашей супружеской спальни.

Знаете, в такие моменты мозг отключается. Я шла по коридору как во сне, а сердце колотилось где-то в горле. Может, мне показалось? Может, он смотрит какой-то фильм? Хотя Серёжа обычно до десяти утра спал как убитый...

Я распахнула дверь.

И вот он, мой муж. Обнимает мою лучшую подругу Ленку.

В нашей постели. На наших простынях, которые я меняла только позавчера. Они в первое время даже не успели ничего заметить — так увлечены были друг другом. А потом муж повернулся...

— Зойк... — выдохнул Серёжа, и лицо его стало цвета больничной стены.

Ленка взвизгнула и натянула одеяло до подбородка. Моё одеяло, между прочим.

Я стояла и смотрела на них. Странное дело — я не чувствовала ничего. Абсолютно ничего. Пустота. Как будто кто-то вынул из меня все эмоции разом, оставив только усталость.

— Это... это не то, что ты думаешь! — Серёжка вскочил с кровати, судорожно натягивая штаны на голую задницу. — Мы просто... разговаривали!

— Разговаривали? — переспросила я медленно. — В постели? Раздетые?

— Зоя, ну пожалуйста! — Ленка попыталась выбраться из-под одеяла. — Это неожиданно случилось! Мы не хотели...

— Неожиданно? — Я почувствовала, как внутри что-то начинает закипать ярость. — Вы случайно оказались в моей постели? Серьёзно, Лен? Ты хоть понимаешь, как идиотски это звучит?

Я сорвала с полки первое, что попало под руку — мой домашний тапок — и швырнула его в Серёжку. Попала пря-

мо в лоб. Медсёстры редко промахиваются — у нас глазомер отличный.

— Ай! Зоя, ты что, обалдела?! — Серёжка зажал ладонью красное пятно на лбу.

— Ещё нет, но очень близка к этому! — Второй тапок полетел в Ленку, но она увернулась, и он шлёпнулся о стену, оставив грязный след на обоях.

— Зоенька, солнышко, давай поговорим как взрослые люди! — Серёжка попытался подойти ближе, но я остановила его взглядом. Таким обычно я смотрю на буйных пьяных в приёжном покое.

— Не подходи ко мне. — Я развернулась и пошла к шкафу. Достала свой старый чемодан, тот самый, с которым приехала сюда пять лет назад. Начала запихивать туда одежду, не глядя, не разбирая что у меня в руках.

— Ты куда? Зоя, стой! Это ничего для меня не значило! — Серёжка схватил меня за руку, но я вырвалась.

— Ничего не значило? — Я обернулась. Слезы сами полились по щекам, хотя я отчаянно пыталась их сдержать. — Пять лет брака ничего не для тебя не значили? Я пять лет готовила тебе завтраки, ужины, стирала твои носки.

Ленка наконец натянула свое платье и попыталась подойти ко мне:

— Зой, мне так жаль, я не хотела... просто мы с Серёжей начали общаться, ты же постоянно на работе, и как-то так вышло само собой...

Я посмотрела на неё. На эту женщину, с которой дружила со школы. С которой делилась секретами, мечтами, своими страхами. Которая плакала на моем плече, когда ей было плохо. Которая обещала всегда быть рядом.

— Вали отсюда, — тихо сказала я. — И больше никогда не появляйся в моей жизни.

Ленка всхлипнула, но что-то в моём голосе заставило её схватить свои вещи и выбежать из комнаты. Хлопнула входная дверь и насупила тишина.

Я продолжала складывать вещи. Руки противно тряслись. Серёжа стоял рядом, бормоча что-то невнятное про стресс на работе, про то, что я его не понимаю, про то, что Ленка просто пришла поговорить...

— Серёж, заткнись уже, — устало попросила я. — Мне неинтересно тебя слушать.

Я застегнула чемодан. Достала телефон и набрала номер бабушки. Она ответила после третьего гудка:

— Зоенька? Ты чего так рано звонишь? Случилось что?

— Бабуль, — мой голос дрогнул. — Можно я к тебе приеду? Насовсем?

Бабушка Пелагея — женщина мудрая. Она ничего не спросила, только сказала:

— Приезжай, внученька. Я всегда тебя жду.

Потом я позвонила своей заведующей. Понимала, что очень поздно, но мне было уже всё равно:

— Людмила Петровна, я увольняюсь. Да. Прямо сейчас

и сегодня . Да, понимаю, что должна отработать две недели. Но я не буду этого делать. Можете вычесть из это из моей зарплаты.

Серёжа смотрел на меня с ужасом:

— Ты что творишь?! Хорошую работу бросаешь из-за какой-то ерунды?!

Из-за ерунды. Измена для него это конечно незначительно, видимо, так, с кем не бывает...

Я взяла чемодан и пошла к выходу. В дверях обернулась. Мой будущий бывший муж стоял посреди комнаты, такой жалкий и растерянный. И я вдруг поняла, что не чувствую к нему вообще ничего. Ни любви, ни ненависти — просто огромную пустоту.

— Кстати, — сказала я ровным голосом. — Я всегда ненавидела твою мать. И борщ ее тоже отстой.

Хлопнула дверью и вышла на лестничную площадку. Села на ступеньку и заревела. Громко, в голос, как не ревела наверное с детства. Соседка тётя Валя удивлено выглянула из квартиры, но, увидев меня с чемоданом и заплаканным лицом, тактично исчезла обратно.

Я вызвала такси к подъезду. Водитель — дядька лет пятидесяти с добрым лицом — сочувственно посмотрел на меня:

— На вокзал, деточка?

— На вокзал, — всхлипнула я.

Всю дорогу он деликатно молчал, лишь изредка подавая мне бумажные салфетки из коробки на торпедке. Когда мы

подъехали, он повернулся ко мне:

— Девушка, не знаю, что у вас там случилось, но поверьте старому человеку: всё у вас будет хорошо. Всеми своим временем.

Я кивнула, не веря ни единому слову.

Только когда поезд тронулся, и Москва начала медленно уплывать за окном, я поняла, что забыла дома самое важное.

Свой любимый фикус. Тот, что вырастила из крошечного отростка. Тот, что стоял на подоконнике и каждое утро встречал меня после рабочих смен.

И почему-то именно из-за этого цветка я заревела снова, уткнувшись лицом в грязное окно плацкартного вагона.

Глава 2. Степан.

Ресторан был дорогим и пафосным — именно таким, которые я терпеть не мог. Мраморные столешницы, официанты с безжизненными лицами, порции размером с пятирублёвую монету за цену хорошего ужина на четверых. Но Григорий Семёнович любил производить впечатление, поэтому я сидел здесь, изображая заинтересованность, пока он расписывал прелести нашей будущей сделки.

— Степан Игоревич, вы только подумайте! — Григорий размахивал вилкой с крошечным кусочком какого-то мяса под соусом. — Двадцать процентов сверху! За полгода окупите свои вложения, а дальше пойдет чистая прибыль!

Я кивал, улыбался и думал совершенно о другом.

О Виктории. Моей бывшей жене.

Точнее, о том, как два месяца назад застал её в нашей

квартире с Олегом Мироновым. Моим партнёром по бизнесу. Теперь бывшим партнёром, естественно.

Хотя нет, постой. Бывшим партнёром по браку тоже.

Чёрт, я совсем запутался.

— Степан Игоревич? — Григорий наклонился ко мне. — Вы меня слушаете?

— Конечно, конечно, — я встряхнулся. — Простите, задумался. Понимаете, последние месяцы были... непростыми.

— О, я наслышан о вашем разводе, — Григорий сочувственно покачал головой. — Женщины, знаете ли... Они существа непостоянные.

Я промолчал. Говорить о Виктории с посторонним человеком мне не хотелось. Да и что об этом говорить? Что восемь лет брака оказались пшиком? Что все эти вечера, совместные планы, разговоры о детях — всё оказалось только моей фантазией?

Телефон завибрировал в кармане. Я извинился и глянул на экран. Бабушка. Марфа Ивановна, моя единственная близкая родственница, если не считать троюродного брата, с которым мы виделись последний раз лет десять назад на чьих-то похоронах.

— Извините, — сказал я Григорию. — Мне нужно срочно ответить.

Вышел на террасу. Москва шумела внизу — машины, люди, вечная суeta. А из телефона донёсся родной скрипучий голос:

— Степаша, внучек, как ты там?

— Нормально, бабуль, — я невольно улыбнулся. Только с ней я был Степашей. Со всеми остальными — Степаном Игоревичем, солидным бизнесменом тридцати двух лет от роду. — Работаю вот.

— Всё работаешь, — вздохнула бабушка. — Степаша, ты когда последний раз отдыхал? На природе был? Лес когда видел не в окно своей машины?

Я задумался. Честно говоря, не помнил.

— Приезжай в деревню, — неожиданно предложила бабушка. — Отдохни душой. У меня тут хорошо — речка, лес, тишина. Я пирожков напеку, грибов с тобой насобираем...

— Бабуль, у меня сейчас столько дел, — начал я привычные отговорки. — Сделки горят, партнёры ждут...

— Степаша, тебе скоро тридцать пять лет, — перебила меня бабушка. И в её голосе прозвучало что-то такое, что заставило меня замолчать. — Ты работаешь как проклятый, а для чего? Жена от тебя ушла, детей нет, квартира стоит пустая... Ты хоть понимаешь, что жизнь мимо тебя проходит?

Я сжал телефон. Бабушка попала в точку, как всегда.

— Подумаю об этом, — пробормотал я.

— Так нечего тут думать, ты приезжай, давай — настаивала она. — Я жду тебя. До свидания, внучек.

Она повесила трубку, не дожидаясь моего ответа. Я усмех-

нулся. Марфа Ивановна всегда была женщиной решительной.

Я вернулся в зал, но разговаривать с Григорием уже не хотелось. Мои мысли была совершенно не здесь. Мы попросились, я пообещал перезвонить через пару дней с окончательным решением, хотя оба понимали, что сделка практически в кармане.

Вышел на улицу и закурил. Бросал уже три раза, но после развода снова начал. Виктория терпеть не могла запах табака — говорила, что от меня потом воняет, как от пепельницы. Теперь я мог курить сколько хочу. Ирония судьбы.

Телефон снова завибрировал. SMS от врача — Игоря Павловича, с которым я познакомился месяц назад после очередного приступа.

«Степан Игоревич, получил результаты ваших анализов. У вас высокий риск заработать гипертонию. Вам СРОЧНО нужен отдых. Если не возьмёте отпуск, доведете себя до инфаркта».

Я уставился на экран. Инфаркт в тридцать два лет — это, конечно, замечательная перспектива.

Набрал номер бабушки. Она ответила мгновенно — видимо, сидела рядом с телефоном.

— Степаша?

— Бабуль, я тут подумал, — сказал я. — Может я правда приеду на неделю. Отдохну у тебя .

Бабушка так радостно ахнула, что я услышал, как она чуть

не уронила телефон.

— Вот и славно, голубчик мой! — защебетала она. — Я тебе твою комнату приготовлю, постельку свежую постелю! Когда приедешь?

— Да хоть завтра, — я затушил сигарету. — Всё равно дел особых нет. Договоры подпишу удалённо.

— Замечательно! — В голосе бабушки слышались странные нотки. Довольные. Даже слишком. — У меня, кстати, для тебя сюрприз будет.

Я насторожился:

— Какой это?

— Приедешь — узнаешь, — загадочно сказала бабушка. — Целую тебя, внучек. Жду!

Она повесила трубку, а я остался стоять посреди шумной московской улицы с телефоном в руке и тревожным предчувствием.

Сюрприз от бабушки Марфы никогда не означал ничего хорошего.

Последний раз она устроила мне «сюрприз», когда мне было двадцать пять — познакомила с дочкой своей соседки. Девушка оказалась милой, но абсолютно не моего вкуса. Мы промучались с ней весь вечер, пытаюсь найти общую тему для разговора, а бабушка сидела рядом и довольно улыбалась.

Но тогда мне было двадцать пять, и я не мог отказаться. Сейчас мне тридцать два, я недавно развелся и, судя по

всему, на грани инфаркта. Если бабушка опять решила мне опять кого-нибудь сосватать...

Я покачал головой. Ладно, переживу как-нибудь, не маленький. Зато проживу недельку в деревне, в тишине, на природе... Опять же, за Бабушкины пироги можно душу продать. А как там спокойно...

Я даже не подозревал, насколько ошибался.

Глава 3.

Поезд прибыл в районный центр рано утром. Я вышла на перрон с чемоданом и огляделась — всё тут было так же, как и десять лет назад. Маленький вокзал, облупившаяся краска на стенах, запах дизельного топлива и свежескошенной травы. Пахло домом.

Хотя нет. Не домом. Москва была моим домом. А это — просто местом, где я провела детство и куда теперь сбежала, как последняя трусиха.

— Зоенька! — Бабушка Пелагея помахала мне из толпы встречающих. Маленькая, полненькая, в цветастом платке и резиновых сапогах. — Внученька моя!

Я бросилась к ней, и чемодан отлетел в сторону. Бабушка обняла меня так крепко, от неё пахло ромашковым чаем, свежим хлебом и чем-то таким родным, что у меня снова защипало в носу.

— Ну что ты ревёшь, дурёха, — бабушка отстранила меня и заглянула в глаза. — Приехала и ладно. Всё теперь будет хорошо.

Я кивнула, не доверяя своему голосу.

До деревни мы добирались на автобусе — старом, дребезжащем, с жёсткими сиденьями. Бабушка всю дорогу болтала о своих соседях, о новом священнике, о том, что у Марфы Ивановны из соседнего дома теперь спутниковая тарелка стоит. Я слушала вполуха, глядя в окно.

Поля, леса, покосившиеся заборы. Деревня встретила меня тишиной и запахом навоза. Дом бабушки стоял на самом краю — старый, деревянный, с резными наличниками. Я уже забыла, какой он выглядит, давно тут не была.

— Заходи, заходи, — бабушка распахнула калитку. — Я тебе уже горницу приготовила, постелила свеженькое. Сейчас чайку попьём, поешь — с дороги небось голодная.

Внутри дома пахло пирогами. На столе уже стояли чашки, варенье, сметана в глиняном горшочке. Я села и вдруг поняла, что действительно очень голодна — в последний раз ела вчера днём.

— Ешь, ешь, не стесняйся, — бабушка подвинула мне тарелку с пирожками. — А теперь рассказывай, что у тебя случилось.

Я все ей рассказала. Коротко, без лишних подробностей. Бабушка слушала, качая головой, а потом сказала:

— Дурак твой Сергей. Я всегда говорила, что не пара он тебе.

— Бабуль, ты его два раза всего видела, — устало возразила я.

— Мне и одного раза хватило, — отрезала бабушка. — Сразу видно было, какой он: глазки бегают, руки как крюк, и вообще, он какая-то мямля. Ты однозначно заслуживаешь лучшего.

Я не стала ничего отвечать. Просто пила чай и жевала пирожки, и с каждой минутой чувствуя, как напряжение понемногу уходит из меня.

— А теперь слушай меня внимательно, — бабушка налила мне ещё чаю. — Я тут нашла тебе работу.

Я поперхнулась:

— Какую такую работу?

— Ну вот такую, самую обычную, по твоему профилю, — бабушка пожала плечами. — В медпункте нашем фельдшера не хватает. Анна Петровна, которая там работала, переехала к дочке в город. Вот я и сказала Нине Степановне, главе нашей, что внучка у меня медсестра, опыт у нее большой. Она обрадовалась — говорит, приходит пусть хоть завтра.

— Бабуль, я же медсестра, а не фельдшер! — запротестовала я.

— Да какая разница, — отмахнулась бабушка. — У нас тут не Москва. Придешь, давление измеришь, таблеточку выпишешь — вот и вся работа. А жильё у нас свое, еда есть, чего ещё надо?

Я хотела возразить, но поняла, что спорить с ней бессмысленно. К тому же, работа и правда мне нужна. Деньги в записке быстро закончатся.

— Ладно, — сдалась я. — Попробую.

Бабушка довольно кивнула:

— Вот и умница. Завтра с утра и пойдёшь. Медпункт на центральной улице, в старом клубе. Там и кабинет, и аптека, всё есть.

На следующий день я действительно пошла на работу. Медпункт оказался крошечным: всего одна комната, а в ней старый письменный стол, кушетка, шкаф с лекарствами и допотопный тонометр. Но было очень чисто, светло, из окна видно весь огород соседской бабы Дуси.

Первым пациентом был дед Семён — худой старичок с хитрыми глазами и трубкой в зубах.

— Здравствуй, девонька, — он уселся на стул и застонал.

— Ох, спина-то, спина ! Прострел у меня, никак не пройдёт.

Я попросила его снять рубашку и осмотрела его. Никаких видимых признаков остеохондроза я не увидела.

— А когда она у вас заболела? — спросила я, доставая тонометр.

— Да вот, уже третий день мучаюсь, — дед Семён вздохнул. — Сено таскал на сеновал, видать, перетрудился.

— Сено таскали? — Я подняла бровь. — В вашем то возрасте?

— А чего такого? — обиделся дед. — Мне всего семьдесят восемь, я ещё ого-го!

Я измерила ему давление (нормальное), пульс (тоже), осмотрела спину ещё раз (всё чисто).

— Дед Семён, — сказала я осторожно. — А может вы просто в гости решили ко мне зайти? Познакомиться, так сказать?

Старичок смутился:

— Ну... может, и познакомимся. А что, нельзя, что ли?

Я расхохоталась:

— Можно, конечно. Только тогда говорите честно. Вот вам мазь, если спина когда-нибудь заболит — помажете ее на ночь. А если у вас все будет хорошо, приходите просто так, чай попьём.

Дед Семён ушёл довольный, а следом пришла баба Глаша — полная женщина лет шестидесяти с красным лицом.

— Девонька, — она с размаха плюхнулась на стул. — Ты от тоски лечишь?

— От тоски? — растерялась я. — А что... у вас случилось?

— Да вот, тоска меня замучала, дышать не могу, — баба Глаша вздохнула. — Муж помер три года назад, дети в городе, внуки раз в год приезжают. Сижу дома одна, переживаю. Может, таблеточку какую дашь?

Я посмотрела на эту женщину и вдруг поняла — ей не лекарства нужны. Ей поговорить нужно.

— Знаете что, баба Глаша, — сказала я. — Давайте я вам чаю налью, и вы мне расскажете про мужа. Какой он был?

И баба Глаша рассказывала целый час про мужа-тракториста, про их свадьбу, про детей, про то, как они вместе дом строили. Я слушала, кивала, иногда задавала вопросы. Когда

баба Глаша уходила, глаза у неё светились.

— Спасибо тебе, девонька, — сказала она. — Полегчало как-то. Хороший ты врач.

К вечеру я вернулась к бабушке уставшая, но почему-то довольная.

— Ну как там ? — спросила бабушка, накрывая на стол.

— Нормально, — я села за стол. — Странные тут у вас пациенты.

— Обычные, — бабушка поставила передо мной тарелку с супом. — Людям внимание нужно, вот они и ходят к тебе. Ты же добрая, всех выслушаешь.

Я хотела что-то ответить, но бабушка загадочно улыбнулась:

— А завтра к тебе придёт особенный пациент. Увидишь его , обрадуешься!

— Какой ещё особенный? — насторожилась я.

— Завтра сама все увидишь, — бабушка отвернулась к плите, но я заметила, как у неё дёргается уголок рта.

Чего она опять задумала? И что-то мне подсказывало, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Глава 4. Степан.

Я приехал в деревню вечером, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в красивые оранжево-розовые цвета. Джип с трудом тащился по разбитой дороге, подпрыгивая на ухабах. Москва осталась позади, вместе со всеми её пробками, стрессом и бывшей женой.

Бабушка встретила меня на крыльце, вытирая руки о фартук. Марфа Ивановна почти не изменилась — разве что морщин стало побольше, да седины в волосах прибавилось.

— Степашенька! — Она расцеловала меня в обе щеки, пахло от неё свежими огурцами и чем-то печёным. — Приехал, внучек! Ну, слава богу, а то я уж думала, передумаешь опять.

— Бабуль, ну что ты, — я обнял её, стараясь не сжимать слишком сильно, она такая хрупкая стала. — Обещал же.

— Заходи, заходи, — она потянула меня в дом. — Я тебе и борща наварила, и котлет нажарила, и пирог с яблоками испекла... Ты ж совсем худой стал!

Я усмехнулся. Бабушка всегда считала, что я мало ем, даже когда я весил под девяносто кило.

Мы сели за стол. Бабушка все накладывала мне в тарелку, приговаривая при этом:

— Ешь, ешь, мой хороший. Тебе подкрепиться же надо, а то целый день в дороге и бледный то какой!

— Это называется "офисный загар", бабуль, — пошутил я, наливая себе борща. Запах был божественный — такой только бабушки умеют варить.

— Офисный загар, — фыркнула она. — В твоём возрасте на солнышке загорать надо, а не в четырёх стенах сидеть. Кстати, о здоровье...

Я насторожился. Вот оно.

— Бабуль, я нормально себя чувствую, — попытался от-

биться я.

— Ничего не нормально! — она ткнула в меня ложкой.
— Ты мне тут не ври. Я вижу, какой ты стал:, осунулся весь, под глазами синяки. Спишь плохо небось?

Я промолчал. Действительно, после развода со сном у меня были проблемы.

— Вот и я о чём, — удовлетворённо кивнула бабушка.
— Завтра с утра пойдёшь в медпункт. Давление измеришь, послушаешься, мало ли что.

— Бабуль, не надо, — я поморщился. — У меня с давлением всё нормально.

— Нормально, как же, — она скептически прищурилась.
— Врач тебе что сказал? Что отдыхать надо. Значит, не всё хорошо у тебя. Завтра пойдёшь, и точка.

Спорить с Марфой Ивановной было бесполезно — это я усвоил ещё в детстве. Я вздохнул и кивнул:

— Ладно, схожу.

Бабушка довольно улыбнулась и подвинула мне пирог с молоком.

Ночью я долго не мог уснуть. Лежал в своей старой комнате, смотрел в потолок и слушал тишину. Непривычная она была, давящая.

Я встал, подошёл к окну. Деревня спала. Видны были редкие огоньки в окнах, звёзды над головой — столько я не видел лет десять, наверное.

Десять лет...

Я вдруг вспомнил, как последний раз был здесь. Мне было двадцать два, я только закончил институт. Приехал к бабушке на лето, собирался отдохнуть перед началом работы. И встретил её.

Зойку.

Блондинку с огромными голубыми глазами и заразительным смехом. Она приехала к своей бабушке на каникулы, училась тогда на медучилище. Мы встретились на сельском празднике — она танцевала с какими-то девушками, я стоял в стороне, подпирая стенку. Потом она подошла сама ко мне, улыбнулась:

— Ты чего такой хмурый? Праздник же!

И всё между нами завертелось и закружилось.

Мы встречались всё лето. Гуляли по лесу, купались в речке, целовались под звёздами. Я влюбился в неё по уши — так, как влюбляются в двадцать два года, безоглядно и безоговорочно. Планировал даже остаться здесь подольше, найти какую-нибудь работу в районном центре.

А потом был выпускной вечер в местной школе. Зойка пошла туда — встретиться с одноклассниками. Я не хотел идти, но она меня уговорила. И я увидел, как она танцует с каким-то парнем. Обнимает его, смеётся, прижимается к нему и что-то шепчет ему на ухо.

Ревность накрыла меня чёрной волной. Я развернулся и ушёл, даже не выслушал её объяснения. На следующий день

уехал в Москву, даже не попрощавшись. Зойка звонила, писала — я ей не отвечал. Гордость, мать его.

Через полгода я встретил Викторию. Умную, красивую, успешную. Мы поженились через год. А Зойку я постарался забыть.

Не получилось.

Её фотография до сих пор лежала у меня в кошельке — старая, потёртая. Иногда я доставал её и смотрел, каждый раз думая при этом думая : а что, если бы я тогда не был таким идиотом?

Я отошёл от окна и лёг обратно на кровать . Хватит уже о прошлом думать. Это было десять лет назад. Она наверняка давно замужем, с детьми. Да и я теперь совсем другой — циничный, уставший, разведённый.

Уснул я только под утро.

Бабушка разбудила меня в восемь, несмотря на все мои протесты.

— Вставай, соня, — она отдернула занавеску, и солнечный свет ударил мне в глаза. — Завтрак стоит на столе, покусай , а потом пойдёшь в медпункт.

— Бабуль, может, потом? — простонал я, накрывая подушкой голову.

— Никаких "потом", — она безжалостно стянула с меня одеяло. — С давлением не шутят. Марш умываться!

Я поплёлся в ванную, чувствуя себя школьником. Умылся

ледяной водой , оделся. Бабушка приготовила для меня завтрак — яичницу, сало, свежий хлеб, молоко.

— Я столько не съем, — попытался возразить я.

— Съешь, — отрезала она. — У тебя там кости через кожу уже просвечивают.

Я послушно жевал, а бабушка сидела напротив и смотрела на меня с каким-то странным выражением лица. Таким довольным. Даже чересчур.

— Ты чего так на меня смотришь? — насторожился я.

— Да так, — она отвернулась. — Радуюсь, что внучек приехал.

Но что-то в её голосе меня насторожило.

Медпункт оказался в старом здании клуба, на центральной улице. Небольшой домик, покрашенный в жёлтый цвет, с табличкой "ФАП" над дверью.

Я зашёл внутрь. Небольшая комната, пахнувшая лекарствами и мятой. За столом спиной ко мне сидела женщина, что-то писала в журнале.

— Здравствуйте, — сказал я. — Можно к вам?

Она обернулась.

И я застыл.

Блондинка. Голубые глаза. Знакомые черты лица, ставшие чуть старше, чуть строже , но для меня она была лучше всех.

Зоя.

Она усталилась на меня. Лицо побледнело. Рука, державшая ручку, дрогнула.

— Степан? — выдохнула она.

Я открыл рот, но не смог выдавить ни звука. В голове пронеслась одна-единственная мысль: "Бабушка. Эта хитрая старая лиса всё подстроила!"

Зоя медленно поднялась из-за стола. Мы стояли и смотрели друг на друга. Десять лет прошло, а я смотрел на неё и чувствовал, как внутри что-то сжимается и болит.

— Ты... ты что здесь делаешь? — выдавила она наконец.

— Приехал к бабушке. Отдохнуть, — мой голос звучал хрипло. — А ты?

— Тоже. К бабушке. Работаю здесь теперь.

Повисла тяжёлая пауза.

Зоя первой взяла себя в руки. Вернулась за стол, села, положила руки на столешницу. Я заметил, что пальцы у неё дрожат.

— Ну, раз пришёл, проходи, — сказала она ровным, профессиональным тоном. — На что жалуешься?

— Да так, бабушка заставила, — я сделал шаг вперёд. — Говорит, давление измерить надо.

— Садись, — она кивнула на стул рядом с собой.

Я сел. Чувствовал при этом себя полным идиотом. Зоя достала тонометр, и я увидел, как у неё трясутся руки, когда она ее разворачивает.

— Руку, — коротко бросила она.

Я протянул руку. Она обмотала манжету, начала накачивать воздух. Пальцы её случайно коснулись моего запястья — и я почувствовал, как по мне пробежала дрожь.

Боже, что со мной?

Зоя молчала, глядя на циферблат. Потом сняла манжету и записала что-то в карточку.

— Сто семьдесят на сто, — сухо сообщила она. — Высокое. Когда последний раз его проверял?

— Месяц назад, — я прокашлялся. — Врач сказал, мне отдыхать больше надо.

— Вот и правильно сказал, — она наконец подняла на меня глаза. И я увидел в них столько всего — боль, обиду, злость. — Тебе бы в санаторий надо съездить. Или к морю. Зачем в деревню приперся?

В последней фразе прорвалось раздражение.

— Бабушка позвонила, — я пожал плечами. — Сказала, что соскучилась.

— Ага, соскучилась, — Зоя криво усмехнулась. — И моя, видать, тоже. Интересное совпадение, правда?

Я вдруг понял, о чём она.

— Ты думаешь, они это специально?..

— Я не думаю. Я уверена, — она откинулась на спинку стула. — Две старые сводницы решили нас опять свести вместе. Как это мило.

В её голосе звучала такое раздражение, что мне стало неловко.

— Зоя, слушай, я не знал...

— Конечно, не знал, — она резко встала. — Ладно, с давлением у тебя все понятно. Вот тебе рецепт. Будешь пить таблетки утром и вечером. И побольше отдыхай. Всё, свободен.

Она отвернулась к окну, давая понять, что разговор окончен.

Я тоже встал. Хотел что-то сказать — но что? Извиниться за то, что бросил её десять лет назад? Объяснить, что был молодым и глупым? Сказать, что все эти годы не мог её забыть?

Вместо этого я произнёс:

— Ты хорошо выглядишь.

Зоя обернулась. Посмотрела на меня долгим взглядом.

— Ты тоже, — сказала она наконец. — Хотя немного постарел.

— Спасибо, — я усмехнулся. — Ты тоже, кстати тоже .

— Знаю, — она вдруг улыбнулась. Чуть-чуть, едва заметно. — Развод всегда непросто дается.

Я замер.

— Ты... развелась?

— Ага , — она пожала плечами. — Два месяца назад. За-стучала мужа с моей лучшей подругой. Классика жанра.

Внутри у меня что-то ёкнуло. Не знаю, что это было — жалость, сочувствие или... радость?

Господи, какой же я мерзавец.

— Мне очень жаль, — выдавил я.

— Не надо меня жалеть, — она отмахнулась. — Все давно прошло. А у тебя как дела? Женат?

— Разведён, — признался я. — Полгода как уже. Жена ушла к моему партнёру по бизнесу.

— Ничего себе, — она присвистнула. — Тоже классика.

Мы посмотрели друг на друга и вдруг рассмеялись. Может над этим смеяться неуместно, но смех вырвался сам собой.

— Ладно, — Зоя вытерла глаза. — Иди уже. Ко мне другие пациенты скоро уже придут.

Я кивнул и пошёл к двери. На пороге вдруг обернулся:

— Зоя...

— Что? — она подняла на меня глаза.

— Я... рад был тебя увидеть. Правда.

Она помолчала. Потом тихо сказала:

— Я тоже.

Я вышел на улицу. Солнце светило так ярко, что пришлось прищуриться. Голова шла кругом. Зоя. Здесь. В этой деревне. Одна...

Боже, что теперь будет?

Я пошёл к бабушке, чувствуя, как меня переполняет радость от этой встречи.

Бабушка встретила меня на пороге, вытирая руки о фартук.

— Ну как? — спросила она невинным тоном. — Осмот-

рели тебя?

Я посмотрел на неё долгим взглядом.

— Бабуль, ты же это специально, да?

— Что специально? — она захлопала глазами. — О чём ты, внучек?

— Ты знала, что она там будет.

— Кто "она"? — Бабушка изобразила удивление, но уголки губ её предательски дёрнулись.

— Зоя. Ты прекрасно знала, что она там работает.

— А-а-а, — бабушка махнула рукой. — Ну знала и знала. И что такого? Двое взрослых людей встретились, поговорили.

— Бабуль...

— Степаша, — она вдруг стала серьёзной. Подошла ко мне, положила морщинистую ладонь мне на грудь. — Ты же все эти десять лет о ней помнишь. Думаешь, я не знаю? Я же вижу, как ты смотришь на её фотографию. Думаешь, если старая, не понимаю ничего?

Я молчал.

— Вот и Пелагея говорит, что Зойка тоже тебя не забыла, — продолжала бабушка. — Все эти годы вспоминала. А теперь вы оба тут, оба свободные. Что плохого, если вы хотя бы поговорите?

— Бабуль, прошло десять лет, — устало сказал я. — Мы уже совсем другие люди.

— И что с того? — она пожала плечами. — Люди меня-

ются, но чувства остаются. Ты её любил, Степаша. Не надо мне тут сказки рассказывать.

Я отвернулся. Потому что она была права. Чёрт возьми, она была абсолютно права.

— Иди умойся и садись за стол, — бабушка похлопала меня по плечу. — Я окрошки сделала. А вечером Пелагея с Зойкой к нам придут. На ужин.

— Что?! — Я резко обернулся.

— Ну как что?, — она невозмутимо пошла на кухню. — Я их пригласила к нам. Неудобно же, соседи всё-таки. Надо познакомиться поближе.

— Бабуль, мы уже знакомы!

— Ну вот и прекрасно, — она обернулась и хитро улыбнулась. — Значит, вам будет о чём поговорить.

Я понял, что попал. Попал по полной программе.

И самое странное — где-то глубоко внутри я этому радовался.

Глава 5.

Я стояла у окна медпункта и смотрела, как Степан идёт по улице к дому Марфы Ивановны. Широкие плечи, уверенная походка. Он так изменился, совсем не похож на того двадцатидвухлетнего мальчишку, который десять лет назад сбежал от меня без объяснений причин.

Хотя нет. Походка осталась той же. И привычка запускать руку в волосы, когда нервничает — тоже.

Господи, что со мной такое? Я же взрослая женщина, в

разводе, с кучей проблем. А реагирую на него как влюблённая школьница.

Он же бросил бросил меня когда-то, даже не выслушав...

Я резко отвернулась от окна и принялась яростно раскладывать карточки пациентов. Руки всё ещё дрожали от нервного напряжения, от его близости, от того, как он смотрел на меня своими тёмными глазами.

— Ничего он для меня не значит, — пробормотала я вслух. — Это прошлое. Закрытая глава моей жизни.

Дверь медпункта распахнулась, и вошла бабушка Пелагея с корзинкой.

— Зоенька, внученька! — пропела она. — Я тебе обед принесла. Пирожки с капустой, компот...

Я посмотрела на неё внимательным взглядом.

— Бабуль, ответь мне на один вопрос, ты знала?

— Что знала? — Она невинно захлопала глазами.

— Что Степан приедет в деревню. Что он придёт сюда в медпункт.

Бабушка поставила корзинку на стол и принялась доставать еду, старательно избегая моего взгляда.

— Ну... может, и знала. Марфа Ивановна звонила недавно, говорила, что внучек к ней приедет. Ну я и подумала...

— Что нужно нас свести, — закончила я за неё. — Бабуль, мне двадцать восемь лет. Я недавно развелась с мужем. Мне сейчас совершенно не нужны никакие мужчины, особенно те, которые когда-то меня бросили.

— Степаша тебя не бросал, — возразила бабушка. — Он просто... ошибся немного. Молодой был, глупый. Ревновал тебя сильно.

— Конечно! — фыркнула я. — К одноклассник моему! Я с Витькой Петровым просто танцевала на выпускном. А этот придурок решил, что у нас с ним роман, и свалил в свою Москву, даже не поговорив со мной.

— Вот и поговорите сейчас, — бабушка подвинула мне тарелку с пирожками. — Объяснитесь, выясните все. Может, что и получится у вас.

— Ничего у нас не получится, — отрезала я. — И говорить мне с ним не о чем.

Бабушка вздохнула и погладила меня по руке:

— Зоенька, деточка моя. Я знаю, тебе сейчас больно, тебя предали близкие люди. Но жизнь продолжается. И Степаша, он же хороший мальчик. Успешный, добрый, не пьёт, не курит...

— Курит, — машинально поправила я. — Я видела сигареты в его кармане.

Бабушка хитро прищурилась:

— А ты, значит, заметила?

Я покраснела.

— Это случайно вышло. Профессиональная наблюдательность.

— Ага, конечно, — бабушка довольно кивнула. — Ладно, не буду тебя больше мучить. Ешь пирожки. А вечером мы с

тобой пойдём в гости к Марфе Ивановне. Она нас на ужин пригласила.

Я чуть не подавилась компотом.

— Куда?!

— К Марфе Ивановне, — невозмутимо повторила бабушка. — Неудобно же отказываться, соседи всё-таки.

— Бабуль, да ты что! — Я вскочила со стула. — Я не пойду туда! Там же Степан будет!

— Ну и что? — Бабушка пожала плечами. — Вы взрослые люди, поужинаете вместе, поговорите. Что не так?

— Всё не так! — Запустила я руки в волосы. — Бабуль, ну пожалуйста, придумай какую-нибудь отговорку...

— Никаких отговорок, — строго сказала бабушка. — Пойдёшь, и точка. Я уже согласилась. Неприлично теперь отказываться.

Я посмотрела на неё и поняла одну вещь : спорить с ней бесполезно. Когда бабушка Пелагея что-то решила, переубедить её невозможно.

— Ты меня просто убиваешь, — простонала я.

— Не умрёшь, не переживай, — весело сказала бабушка. — Ладно, я побежала: картошка окучивать надо. А ты тут работай, не ленись. И вечером нарядись во что-нибудь красивое.

— Бабуль!

Но она уже вышла, напевая что-то под нос. Я рухнула на

стул и обхватила голову руками.

Господи, что же будет вечером?

Весь день я была как на иголках. Пациенты приходили и уходили, я механически измеряла давление им давление, выписывала рецепты и всё время думала об одном — как я переживу этот вечер.

К шести вечера я вернулась домой. Бабушка уже гремела кастрюлями на кухне.

— Иди переоденься, — скомандовала она, увидев меня.
— Через полчаса уже пойдём.

— Бабуль, может, всё-таки не надо? — попыталась я в последний раз.

— Надо, надо, — она даже не обернулась. — Марш в комнату!

Я поплелась переодеваться. Открыла шкаф и уставилась на вешалки. Что мне надеть? С одной стороны, не хочется выглядеть как пугало. С другой — не хочу, чтобы Степан подумал, будто я для него наряжалась.

В итоге выбрала простое синее платье — не слишком нарядное, но и не совсем домашнее. Распустила волосы, накрасила губы. Посмотрела на себя в зеркало — вроде нормально. Не красавица, но и не страшилище.

— Зоенька, пошли! — позвала бабушка из прихожей.

Я глубоко вздохнула. Ну что ж. Как-нибудь переживу.

Дом Марфы Ивановны был всего в трёх домах от нашего. Мы шли по улице, бабушка несла кулёк с пирогами, а я — банку с вареньем.

— Только води себя прилично, — шептала бабушка. — Не огрызайся, не хами. Степаша — хороший мальчик, не виноват он ни в чём.

— Ага, как же, он прям святой, — буркнула я.

Марфа Ивановна встретила нас на крыльце, вся такая радостная.

— Проходите, проходите, гости дорогие! — Она расцеловала бабушку, потом меня. — Зоенька, какая ты красавица стала! Совсем уже невеста!

— Мне скоро тридцать лет, Марфа Ивановна, — улыбнулась я.

— Ой, да что ты! Совсем еще молоденькая! — Она провела нас в дом. — Степаша, иди сюда, гости пришли!

Из комнаты вышел Степан. Он тоже переоделся в джинсы и рубашку. Его волосы были чуть влажными, видимо, успел принять душ. Увидел меня — и застыл на месте.

— Здравствуй, Степан, — сказала бабушка Пелагея, протягивая ему руку. — Я Пелагея Васильевна, бабушка Зои.

— Здравствуйте, — он пожал ей руку, не сводя с меня глаз. — Очень приятно с вами познакомиться.

— А это моя внучка Зоя, — продолжала бабушка. — Но вы, я слышала, уже знакомы?

— Да, — выдавил из себя Степан. — Знакомы.

Повисла неловкая пауза. Марфа Ивановна засуетилась:

— Ну что вы стоите! Проходите за стол, я уже всё накрыла!

Стол действительно ломился от еды. Пирог, холодец, салаты, жареная курица, соленья. Бабушки явно готовились основательно.

Мы сели за стол. Я — между бабушкой и Марфой Ивановной, Степан — напротив меня. Он всё время смотрел куда угодно, только не на меня, а я старалась не встречаться с ним взглядом.

— Ну что, давайте выпьем! — Марфа Ивановна разлила по рюмкам настойку. — За встречу!

Мы чокнулись. Я залпом опрокинула рюмку — надеясь, что алкоголь хоть немного снимет мне напряжение.

— Зоенька, а ты, я слышала, в Москве работала? — спросила Марфа Ивановна, накладывая мне в тарелку салат.

— Да, медсестрой в больнице.

— А Степаша у нас бизнесмен, — гордо сказала она. — У него своя фирма уже, на него люди работают. Правда, Степаша?

Степан поморщился:

— Бабуль, не надо...

— Что "не надо"? — Она похлопала его по руке. — Я же горжусь тобой! Вот только не женится никак. Эх, раньше, в наше время, такого мужика с руками бы отхватили!

Степан покраснел:

— Бабушка!

— Что? — Она сделала невинные глаза. — Я правду говорю. Тебе уже тридцать два года, пора семью заводить, детей рожать.

— Тридцать три, — машинально поправил он.

Я давилась салатом, пытаясь не рассмеяться. Бедный Степан выглядел таким смущённым.

— А Зоенька тоже свободна, — подхватила бабушка Пелагея. — Тоже развелась недавно. Муж оказался негодяем.

— Бабуль! — теперь настала моя очередь краснеть.

Две старушки переглянулись и довольно улыбнулись. Господи, они же даже не скрывают, что нас сватают друг другу!

— Знаете что, — вдруг сказала Марфа Ивановна. — А я тут вспомнила, вы же раньше встречались! Степаша, ты помнишь?

Степан чуть не подавился курицей.

— Бабушка, может, не надо поднимать эту тему? Это было давно...

— Надо, надо! — Она всплеснула руками. — Вы были такой красивой парой! Помню, как вы по деревне гуляли, за ручки держались. Я тогда думала — вот поженятся скоро, внуков мне нарожают...

— Марфа Ивановна, — я почувствовала, как краснею до корней волос. — Это правда было очень давно.

— Да что ты! — Она махнула рукой. — Всего десять лет прошло. Для настоящих чувств это ерунда!

Степан поднял на меня глаза. Мы посмотрели друг на друга, и я увидела в его взгляде ту же неловкость, что чувствовала сама.

— А помнишь, Степаша, — продолжала бабушка, — как ты в детстве писался в песочнице?

Я поперхнулась компотом. Степан побелел.

— Что?!

— Ну да, — Марфа Ивановна расхохоталась. — Тебе лет пять было. Заигрался с мальчишками, а в туалет бежать не захотел. Вот и... — она выразительно хмыкнула.

Степан закрыл лицо руками.

— Бабушка, зачем ты это рассказываешь...

Я не выдержала и рассмеялась. Звонко так, от души. Степан убрал руки от лица и посмотрел на меня. Сначала сердито, потом уголки его губ дрогнули, и он тоже улыбнулся.

— Очень смешно, — сказал он.

— Очень, — согласилась я, вытирая слёзы.

И вдруг стало как-то легче. Напряжение спало. Мы ужинали, наши бабушки рассказывали разные истории из жизни, мы с Степаном изредка переглядывались и улыбались.

К концу ужина я уже почти расслабилась. Степан оказался неплохим собеседником — рассказывал про Москву, про свой бизнес. Избегая темы развода, как и я.

Когда мы собрались уходить, Марфа Ивановна вдруг сказала:

— Степаша, проводи Зоеньку с Пелагеей. Темно уже, ма-

ло ли что.

— Бабуль, тут идти три дома, — возразил он.

— Всё равно, — настояла она. — Мужчина должен заботиться о женщинах.

Степан вздохнул и встал:

— Хорошо, как скажешь.

Мы вышли на улицу. Уже стемнело, звёзды зажглись на небе. Бабушка Пелагея шла впереди, напевая что-то, а мы с Степаном — позади.

Шли молча. Потом Степан вдруг сказал:

— Извини за бабушку. Она... немного увлеклась.

— Моя тоже, — я усмехнулась. — Они обе хороши.

— Да уж, — он засунул руки в карманы. — Настоящий заговор двух сводниц.

Мы дошли до калитки. Бабушка уже скрылась в доме, тактично оставив нас наедине.

— Ну... спокойной ночи, — сказал Степан.

— Спокойной, — ответила я.

Мы стояли и смотрели друг на друга. Хотелось что-то сказать, но я не знала, что именно.

Степан вдруг спросил:

— Зоя, скажи честно... ты очень на меня злишься? За то, что тогда произошло, десять лет назад?

Я задумалась. Злюсь ли? Наверное, да. Но уже не так сильно, как раньше.

— Не знаю, — призналась я. — Это было так давно. Мы

оба были молодыми и глупыми.

— Я был идиотом , — поправил он. — Ты ни в чём не виновата. Прости меня, Зоя.

Я посмотрела на него. На его серьёзное лицо, на усталость в глазах.

— Хорошо, — тихо сказала я. — Прощаю.

Он выдохнул, как будто сбросил тяжёлый груз.

— Спасибо тебе.

Мы ещё постояли немного, потом я сказала:

— Мне пора. Бабушка ждёт.

— Да, конечно, — он отступил в темноту . — Спокойной ночи, Зоя.

— И тебе, Степан.

Я зашла в дом. Бабушка уже переделалась в ночную рубашку и пила чай на кухне.

— Ну как? — спросила она, когда я вошла. — Поговорили с ним?

— Поговорили, — я налила себе чаю и села напротив.

— И?

— И ничего, — я пожала плечами. — Просто поговорили и все.

Бабушка хитро прищурилась:

— А мне показалось, вы ТАК друг на друга смотрели...

— Бабуль, хватит уже , — я покраснела. — Ничего такого не было, не придумывай...

— Ладно, ладно, — она подняла руки. — Не буду боль-

ше тебе надоедать. Иди спать, внученька. Завтра на работу вставать рано.

Я ушла к себе в комнату. Легла в кровать, уставилась в потолок.

Степан. Он здесь. И кажется мы с ним помирились...

Странно. Я думала, что при встрече захочу наорать на него, высказать всё, что накопилось за эти годы. А вместо этого я взята и простила его.

Я повернулась на бок и закрыла глаза.

Всё будет хорошо. Это просто совпадение. Степан пробудет здесь неделю и уедет обратно в Москву. А я останусь в деревне, буду работать, приходить в себя после развода.

И никаких чувств я к нему не испытываю. Совершенно никаких.

Абсолютно никаких ...Но это не точно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.